

ГЛАВА 1

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «**1941 ГОД**».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытаясь заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. — Гости ждут.

— А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколотая бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошел. Картину принесет, — успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Леня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами. — Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубочёв? — Она поднялась на цыпочки. — Васёк! Трубочёв!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили.

— Ну как, Трубочёв?

— У них тоже здорово! Я все посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубочёв тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше, — сказал он, широко улыбаясь. — Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет да Мазин и Русаков какие-то штучки — тогда и вовсе живем! — Трубочёв притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина: — Живем!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев. — Я их на лестнице видел!

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижный Петя Русаков.

— Вот они! Закадычные друзья! — объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р.М.З.С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здорово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачёв, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— «Р.М.З.С.»! — громко прочитал он. — Мазин, что за буквы?

— Трубачёв, покажи! Дай поддержать, Трубачёв! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачёв нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

— Р.М.З.С. — что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачёва пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок. — Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

— Берете или не берете на выставку?

— Степанова, — крикнул Трубачёв, — возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принес! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачёвым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачёв.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопилось, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям: «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачёв! Булгаков! У вас все готово? — крикнул издали Митя.

— Все готово! — ответил Трубачёв, устанавливая картину.

— Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки, и веселые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васёк увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васёк потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— На, запасной.

Васёк громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас! Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алеша... Бориска... Толя... — припоминала она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик — школьный сторож. Черные с проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы. — Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, — бормотал он, присаживаясь к столу, покрытому красным сукном, и улыбаясь учителям.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый финский край. Высокие сосны, скованные морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули вспарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засели финские пулеметчики.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.

— Этот снайпер... — Директор поворачивает голову.

— Который? Который? — Налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щеки снайпера — он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал финский дзот — это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку.

Васёк и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

— Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли... И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. — Он радостно смеется. — Я помню их... в десятом классе.

ГЛАВА 2

ОГОНЬКИ В ОКНАХ

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стеклами светились огоньки.

Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васёк, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

— Пап! Вот этот снайпер Алеша просто богатырь, да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

— Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила — одно, а сила воли — другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... — Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васёк понимает его.

— Ясно, — говорит он. — Главное — спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронес, пап? Под огнем, а?

— Сколько потребовалось, столько и пронес, — строго сказал Павел Васильевич. — У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васёк замолчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

— А нам еще расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонек.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о елке.

— Раздевайся, раздевайся, Коленька, — торопила старушка.

— Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там, раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

— Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! — испугалась старушка. — Можно ли эдакое воображение ребенку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь — и все. Самое подходящее дело для ребят.

— Ну, бабочек! — усмехнулся Коля. — Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьезные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были — Р.М.З.С.! — Коля поднял указательный палец. — Понимаешь?

— Да понимаю я, понимаю! — рассердилась старушка. — Только не детское это дело — такие страсти изображать...

— А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

— «Хвалили, хвалили»... Вот от наших полярников поздравление тебе, — неожиданно сказала ба-

бушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

— Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идет к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

— Я тогда уже пятиклассником буду, — сказал он, завертываясь в теплое, пушистое одеяло.

* * *

И еще в одном доме горел огонек в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестер и братьев, спросил:

— Нюта с Вовкой давно пришли?

— Давно, — шепотом ответила мать.

— А мал-мала спят? — тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестер. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал-мала.

— Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

— А я вот гостинцев им принес, — сказал Саша и полез в карман. — Измялись чего-то, — огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. — Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

— То-то, я смотрю, у тебя пальто все снегом извожено, — спокойно сказала мать.

— Я сейчас почищу.

— Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

— Отец выпил нынче, — шепотом сказала она, — тихий пришел... Все сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почетный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! — Она покачала головой и засмеялась.

— Он уж всегда так, когда выпьет, — снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки вареную грушу.

— А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! — торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. — Как ты ушел, так и принесли мне.

— Ого! Сколько денег нам дали! — радостно сказал Саша. — Теперь всего накупим.

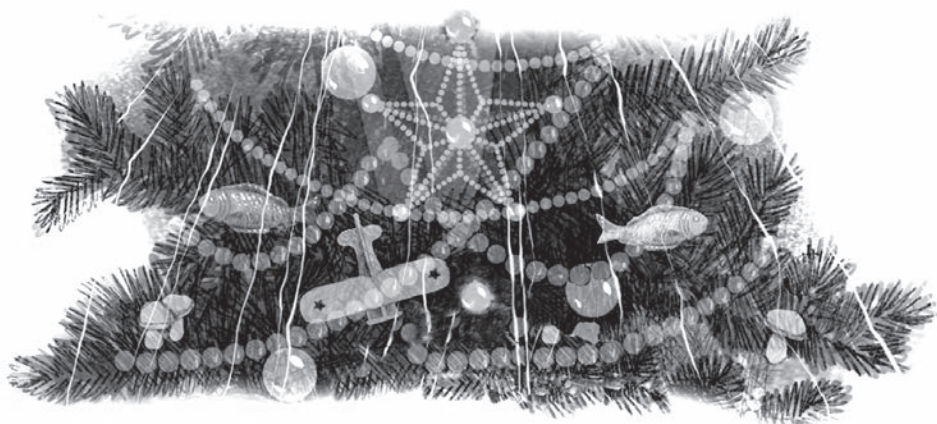
— На всех, на всех хватит, — сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: — Вот и тебе подарок от государства: купи себе лыжи, сынок!

— Что ты, что ты! — отмахнулся Саша. — Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

— Бери, бери! Мне в радость это, — мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. — Ты у меня большак...

Саша поглядел в ее круглое доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на ее щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

— Нет, не возьму! — решительно сказал он, засовывая в карманы руки. — Лыжи — это баловство. Захочу — и так достану. — Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: — Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонек над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещенными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

— Воображаю, как вы там мерзли! — с тревогой говорила старая учительница, которой все еще помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

— Да там не до мороза. Разотрешь снегом уши, и опять ничего, — застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партой сидел Алеша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

— Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затерли...

Перед Алешей стоял вожатый Митя.

— А ты, кажется, здесь вожатый теперь? — спросил Алеша. — Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

— В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! — засмеялся Митя, присаживаясь на край Алешиной парты.

— А что, трудный состав? — деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьезно сказал: — Главное — дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошелся по классу и, остановившись перед Митей, щелкнул пальцами:

— Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял — на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алеша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

— Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина — это все!

— Точно! — решительно подтвердил Митя. — Ребят распускать никак нельзя!

Алеша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!.. — с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учебы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

— Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, — добрейший человек!

— Алеша! Митя! — донеслось из коридора.

ГЛАВА 3

СЕМЬЯ ТРУБАЧЁВА

Отец Васька, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил свое дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васёк запомнил рассказы отца:

— Стоит, пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструменты и давай его выстукивать со всех сторон...

Васёк слушал, и в нем росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить легкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманнами удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич — выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубочёвых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый

шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

— Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал, — говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать, тихая просьба ее была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васёк учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своем лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

— Как же это ты? Язык заплелся, или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васёк отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжелым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню или молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскаки-

вал, суетился, перекладывал что-то с места на место, приговаривая:

— Сейчас! Сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдем, а?

Васёк молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

— Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слезы:

— Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, все свое время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачёвых, в квартире жила еще шестнадцатилетняя соседка Таня. Еще при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачёвых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала, как могла.

Васёк любил забегать в маленькую светлую комнату Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пестро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

— Это что еще такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васёк затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

— Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся...

Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька: «Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чем-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

— Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь — это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васёк, не понимая трудной жизни отца, говорил:

— Не надо... Нам и вдвоем хорошо!